

АЖДАР КУРТОВ

Водные ресурсы как причина конфликтов в Центральной Азии

Россия — Таджикистан: закоулки сотрудничества

В 2004 году Россия и Таджикистан заключили ряд межправительственных соглашений, которые на первый взгляд могли существенно продвинуть взаимоотношения этих двух стран. Россия соглашалась списать четвертьмиллиардный долларовый долг Таджикистана и инвестировать еще порядка 2,5 миллиарда в различные объекты в республике. В частности, 200 миллионов долларов должны были пойти на сооружение Сангтудинской ГЭС. Еще более внушительные суммы предполагалось вложить в завершение начатого еще в 1987 году строительства Рогунской ГЭС с запланированной мощностью 3,6 миллиона киловатт. Россияне взялись возобновить этот проект в целях обеспечения электроэнергией потребностей Таджикского алюминиевого завода, в том числе и с учетом развития на нем дополнительных мощностей, а также в связи с планами строительства на юге Таджикистана в Дангаринском районе Хатлонской области нового алюминиевого завода

мощностью 200 тысяч тонн первичного алюминия в год.

Для небогатого Таджикистана эти планы имели огромное значение. Только возобновление строительства Рогунской ГЭС обеспечило бы создание до 12 тысяч новых рабочих мест, 80 процентов которых планировалось занять гражданами Таджикистана. Подчеркнем принципиальный момент: в 2004 году Таджикистан, по экспертным оценкам, занимал лишь 17-е место в ранжире страновых оценок мировой алюминиевой промышленности, да и то по группе стран, в которых «развито металлургическое производство и в части из них налажен выпуск глинозема, но добыча бокситов металлургического сорта не ведется»¹.

Специально обратим внимание и еще на один принципиальный момент: хотя электроэнергия с будущей Рогунской ГЭС потенциально могла бы экспортироваться на север — в Россию, данный вариант не является экономически предпочтительным. Ведь,

¹ «Россия в структуре мировой алюминиевой промышленности». — «Минеральные ресурсы России. Экономика и управление». 2006. № 1. С. 59.

КУРТОВ Аждар Аширович — главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» Российского института стратегических исследований.

Окончание. Начало см. «Свободная Мысль». 2013. № 3.

Ключевые слова: водные ресурсы, Центральная Азия, гидроэнергетика, ирригация, экологические проблемы, Таджикистан, Узбекистан, политические элиты, экономические отношения.

несмотря на дешевизну вырабатываемой гидроэлектростанциями электроэнергии, между Таджикистаном и Россией — огромное расстояние, два транзитных государства — Киргизия и Казахстан. Любой школьник знает, что при транспортировке на значительные расстояния по сетям ЛЭП электроэнергия теряется. Да и вопрос, нужна ли России эта электроэнергия, далеко не прост. Ведь этот необходимый для развития ресурс нужен в определенной части России, а как раз наиболее близко расположенная к Таджикистану часть России — Сибирь, куда должна была бы поставляться электроэнергия из Таджикистана, сама располагает огромным гидроэнергетическим потенциалом и вообще является энергоизбыточным регионом с дешевой электроэнергией. Реки российского Волжского речного бассейна дают 7 процентов совокупного гидропотенциала страны, Амурский бассейн на Дальнем Востоке дает те же 7 процентов. А вот Енисейский бассейн дает 34, Ленский — 27, Обский — 11 процентов².

Таким образом, России проще и выгоднее использовать собственные ресурсы, чем закупать их по импорту. Сегодня именно эта стратегия постепенно обретает свои формы. Например, в стадии обсуждения находится проект, который позволит увеличить перетоки между энергосистемами Сибири, Казахстана и Урала с 1,7 до 5 гигаватт. База для такого энергомощности уже существует. Ею выступает проект, разработанный в 1980-х годах еще при СССР для передачи на Урал дешевой энергии сибирских электростанций, в том числе ГЭС Ангара-Енисейского каскада и угольных ГРЭС Канско-Ачинского угольного

бассейна³. Тем более что, согласно оценкам представителей науки, в Таджикистане существуют естественные риски для инвестирования в строительство ГЭС. Речь идет о сокращении водостока из-за уменьшения ледников в горах. До 2025 года в Таджикистане, по прогнозам, исчезнут тысячи ледников, площадь оледенения сократится на 20 процентов, объем льда — на 25 процентов. В результате суммарный сток основных рек (Зеравшан, Кафирниган, Вахш и Пяндж) уменьшится на 7 процентов⁴.

С самого момента заключения этих соглашений с Россией в Таджикистане и за его пределами обнаружили силы, которые стали активно препятствовать их осуществлению. Поскольку в декабре 2004 года прежнее руководство Таджикского алюминиевого завода (ТадаАЗ) было отстранено по обвинению в причастности к совершению уголовных преступлений, компании, вовлеченные в устоявшиеся криминальные схемы реализации готовой продукции завода, попытались в судах Великобритании оспорить инвестиционные контракты россиян, конкретно — «Русского алюминия» (РУСАЛ) О. Дерипаски. Потерпев неудачу на этом направлении, недруги России не успокоились: в таджикских СМИ целенаправленно стали появляться статьи, дискредитирующие планы РУСАЛа и, в частности, предрекающие огромный экологический ущерб в случае реализации намеченных проектов.

Двойственную позицию занимало и руководство Таджикистана. Все 100 процентов акций ТадаАЗа принадлежали государству. Во время пере-

² См. А. Е. Асарин, П. А. Полад-Заде, А. Н. Семенов. Водные ресурсы России и их использование. — «Гидротехническое строительство». 2007. № 6. С. 4—8.

³ См. Н. Скорлыгина, В. Дзагуто. Олег Дерипаска заглянул в светлое прошлое. — «Коммерсантъ». 12.04.2012.

⁴ См. В. Ясинский. Сырдарья и Амударья: реки конфликта или сотрудничества? — «Мировая энергетика». 2007. № 12. С. 64.

говоров с россиянами таджики вначале давали понять, что они могут обсудить участие РУСАЛа в приватизации завода. Но после того, как РУСАЛ приступил к осуществлению задуманного проекта, руководитель Госкомимущества Таджикистана Шерали Гулов заявил, что правительство не будет продавать завод россиянам. Более того, в резкой форме он обвинил РУСАЛ в неисполнении компанией своих инвестиционных обещаний. Последнее касалось проектов возведения двух новых электролизных цехов на ТадАЗе мощностью 100 тысяч тонн алюминия.

Однако РУСАЛ справедливо указывал, что именно таджикская сторона препятствует решению принципиального вопроса с будущей подачей электроэнергии на объекты металлургии. РУСАЛ, естественно, не хотел рисковать и вкладывать деньги в создание производств без надежных гарантий прибыльной работы последних.

Дело в том, что развитие производства алюминия напрямую зависит от цен на электроэнергию. Даже новейшие технологии выплавки алюминия не могут серьезно скорректировать эту зависимость. Так, за последние два десятка лет расход электроэнергии на 1 тонну алюминия сократился на четверть. Но в то же время, напротив, возросли тарифы на электроэнергию. В США, например, эти тарифы увеличились почти на 40 процентов, а в Западной Европе только за два последних года они выросли почти в два раза! В Великобритании и Италии 1 мегаватт стоит 50 евро⁵. При таких ценах на электроэнергию европейская алюминиевая промышленность становится неконкурентоспособной⁶.

⁵ См. **И. Прокопов**. Киловатты без конкуренции. — «Металлы Евразии», 2006. № 1. С. 44.

⁶ См. об этом: **М. Байков**. Европейский алюминий: под бременем старых запасов. — «Металлы Евразии», 2010. № 4.

Производство алюминия прекратила и Япония. Понятно поэтому, отчего в 1960-х годах семь ведущих алюминиевых компаний мира, расположенных в развитых странах, выплавляли 87 процентов первичного алюминия, а сегодня этот показатель снизился до 50 процентов.

Естественно, что во всем мире алюминиевые компании ищут пути решения этой проблемы. Ныне 30 процентов мирового алюминия производится на электроэнергии, полученной от генерирующих мощностей, принадлежащих самим металлургическим компаниям. В России, кстати, это одна из серьезных проблем, сдерживающих развитие данной отрасли. Сегодня 85 процентов российского алюминия производится с потреблением гидроэлектроэнергии. Но гидроэнергетический потенциал России используется пока только на 20 процентов⁷. То же РАО «ЕЭС России» фактически слабо развивало это направление, предпочитая извлекать прибыль из «советского наследия». Только после 2002 года начались пока лишь робкие работы по осуществлению новых проектов в России: возобновилось строительство Богучанской ГЭС на Ангаре⁸, Бурейской — на Буре, притоке Амура, ряда ГЭС на Северном Кавказе⁹. Авария в августе 2009 года на Саяно-Шушенской ГЭС показала, что энергетикам России есть чем заняться в своем Отечестве.

В Таджикистане РУСАЛ планировал создавать производства с объективно

⁷ См. об этом: **А. Е. Асарин, В. И. Данилов-Данильян**. Гидроэнергетический потенциал России. — «Энергетика России: проблемы и перспективы. Труды Научной сессии РАН». М., 2006. С. 315—325.

⁸ Кстати, именно к этому объекту проявляет интерес РУСАЛ.

⁹ См. **К. Анахаев**. Водное хозяйство: почему мы все больше отстаем. — «Российская Федерация сегодня». 2010. № 18. С. 38.

дешевой электроэнергией, поскольку и так в себестоимости продукции велика доля затрат на транспортные издержки по доставке сырья — бокситов. Кстати, таджикская сторона (вероятно, в пропагандистских целях) преувеличивает значение фактора электроэнергии в проектах по возведению новых алюминиевых мощностей. На деле же распределение энергозатрат на производство алюминия следующее: электроэнергия — 7 процентов, уголь — 15, газ — 55, другие виды — 1 процент¹⁰. Вероятно, дело в том, что таджикское руководство в последнее время старается найти электроэнергию и другое применение. При активном лоббировании со стороны Соединенных Штатов Душанбе обязался обеспечивать электроэнергией Афганистан и Пакистан. Уже восстановлены распределительные сети в северных приграничных с Таджикистаном районах Афганистана. По одной из них, ЛЭП-110, электроэнергия подается в афганский город Кундуз. Планируется возведение новой ЛЭП протяженностью около 700 километров в Пакистан.

Позиция таджикской стороны могла быть вызвана и другими причинами. Состоявшееся именно в тот период объединение российских корпораций РУСАЛ, СУАЛ (Сибирско-Уральская алюминиевая компания) с швейцарской «Glencore» вывело их в мировые лидеры. В 2008 году РУСАЛ с показателем 4,4 миллиона тонн, то есть 11 процентов от мирового производства¹¹, был по имеющимся мощностям вторым в мире производителем алюминия. По выплавке алюминия Россия в 2008 году занимала второе место после Китая с показа-

телем 3,8 миллиона тонн (Китай — 13,2 миллиона тонн)¹². Кстати, это обстоятельство позволяет выдвинуть еще одну версию произошедшего. Вполне возможно, кто-то из конкурентов РУСАЛа «подтолкнул» власти Душанбе к конфликту с РУСАЛом, чтобы помешать укреплению позиций этой компании на мировом рынке¹³, — точно так же, как примерно в тот же период под давлением США Таджикистан добился вывода российских пограничников с афгано-таджикской границы.

Возможно также, что у таджиков проявилась «болезнь красных глаз» — желание еще больше получить с потенциальных партнеров. Косвенным свидетельством в пользу такой версии является биржевая статистика. Именно в этот период цены на алюминий стремительно росли. Если в 2005 году средняя цена экспорта 1 тонны первичного алюминия в Таджикистане составляла 1500 долларов за тонну, то в 2006-м — уже 2567, в 2007-м — 2634, в 2008 году — 2575 долларов. Однако и этот расчет Душанбе не оправдался. Уже с июля 2008 года цены стремительно пошли на убыль. Тонна в 2009 году стала стоить 1691 доллар¹⁴. Таким образом, когда в 2008 году мировые цены на алюминий достигли своего пика — 3317 долларов за тонну¹⁵, они не осыпали Таджикистан «золотым дождем».

¹² См. «На мировом и американском рынках алюминия и алюминиевого сырья». — «БИКИ». 2010. № 118.

¹³ О перспективах РУСАЛа см.: **А. Лившиц**. У российского алюминия хорошие перспективы. — «Металлы Евразии». 2007. № 2; **И. Прокопов**. Алюминиевая промышленность задает тон всей экономике. — «Металлы Евразии». 2006. № 5; **А. Борисов**. Алюминиевая «утка». — «Профиль». 28.08.2006.

¹⁴ См. **М. М. Хасанов**. Влияние мирового финансового кризиса на экономику Таджикистана. — «Реформа». 2011. № 3. С. 33.

¹⁵ См. **Е. Шишкина**. Расцвет цветной металлургии. С. 44.

¹⁰ См. **Е. Шишкина**. Расцвет цветной металлургии. — «РБЦ». 2008. № 18. С. 47.

¹¹ См. **М. Лемешев, А. Максимов, Б. Маслов**. Туники водоемкой продукции. — «Обозреватель». 2011. № 2. С. 51.

Так или иначе, но соглашение с РУСАЛом было разорвано в 2007 году по инициативе таджикской стороны. При этом в Душанбе не скрывали недовольства тем, что РУСАЛ, по их мнению, встал на позицию Узбекистана. РУСАЛ, вполне возможно, действительно, как и любая крупная корпорация, учитывал политические риски при инвестировании, в том числе и возможное сопротивление со стороны Ташкента. Впрочем, нельзя не отметить, что существует иная версия причин поведения руководства Таджикистана. Дело в том, что доходы от производства алюминия контролируют бизнес-структуры, близкие к семье президента Таджикистана, которые, по-видимому, хотели лишь воспользоваться деньгами российского инвестора в своих интересах, но вовсе не стремились передать ему права собственности. В этом отношении стоит особо подчеркнуть один принципиальный момент: руководство Таджикистана — равно как и руководство ряда других республик Центральной Азии — на самом деле так и не сумело перейти от советского директивного планового мышления к новым рыночным реалиям. Власти Душанбе не научились работать с частными инвесторами. Они по-прежнему рассчитывали, что РУСАЛу будет дана команда из Кремля, и он будет вкладывать миллиарды долларов, в ответ получая от Таджикистана лишь заверения «в готовности к стратегическому сотрудничеству с Москвой».

Вслед за этим последовало знаковое решение парламента Таджикистана, подавляющее число мест в котором принадлежит пропрезидентским силам, о включении в список объектов стратегической важности действующей Нурекской и строящейся Рогунской гидроэлектростанций, а также завода по выплавке алюминия. Последнее решение означало, что все

эти объекты перестают подлежать приватизации и, соответственно, не могут передаваться любым иностранным инвесторам.

Все это сопровождалось всплеском откровенной антиузбекской и антироссийской истерии в средствах массовой информации Таджикистана. Авторы многочисленных публикаций призывали пойти дальше и дать отпор Ташкенту и Москве, которые якобы пытаются мешать их республике успешно развиваться. Для этого предлагалось даже шантажировать Россию возможностью выхода Таджикистана из ОДКБ, пересмотром условий размещения российской военной базы в республике. Эта явно срежиссированная кампания была призвана оправдать в глазах общественности действия властей. Политика водоотделения в регионе Центральной Азии по отношению к Таджикистану его учеными именовалась «дискриминационной»¹⁶. Между тем эти действия, внешне представленные как забота исключительно о национальных интересах и нуждах простого народа Таджикистана, при детальном рассмотрении не являются таковыми, а намеренно скрывают совершенно иные цели.

Рогун любой ценой

Популизм и утопизм таджикской политики отчетливо выражается в позиции официального Душанбе в отношении планов возведения на реках Таджикистана крупных объектов энергетики. Таджикистан не имеет в своих недрах сколько-нибудь серьезных месторождений углеводородов, которые позволяют выживать таким

¹⁶ См. **Х. Одинаев**. Эколого-экономические аспекты регулирования использования трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии. — «Общество и экономика». 2003. № 9. С. 190.

центральноазиатским государствам, как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Например, потребности в природном газе Таджикистан на 98 процентов удовлетворяет за счет импортных поставок. Все рассуждения о том, что недра Таджикистана содержат чуть ли не всю таблицу Менделеева — о чем так любят поговорить в республике, на деле являются миражом. По крайней мере, за редкими исключениями (серебро, золото) никакой масштабной добычи полезных ископаемых в Таджикистане не удалось наладить ни в советский период его истории, ни в условиях независимости. Основная причина этого — отсутствие привлекательности для инвестора, поскольку затраты на добычу и транспортировку превышают уровень рентабельности.

Весьма отсталой является и товарная структура экспорта из Таджикистана. 85 процентов здесь составляет экспорт сырья и материалов. Причем устранение РУСАЛа не привело к росту производства алюминия. Наоборот, показатели упали. В 2009 году объем производства составил 360 тысяч тонн, что на 9 процентов меньше показателей предыдущего года. Аналогично упал и экспорт: с 393,4 тысячи в 2008 году до 348,7 тысячи тонн в 2009-м, или в стоимостном выражении на 423,5 миллиона долларов¹⁷.

В итоге таджикское руководство сознательно пустило в ход миф о том, что волшебной палочкой, которая будет способна преобразить безрадостное бытие республики, станет гидроэнергетика. Эта позиция постепенно превратилась в некую национальную идею-фикс. Большинство таджиков слепо уверовали в то, что такой шанс действительно существует, и стоит только приложить

немного усилий, как настанет светлое будущее. А то, что это светлое будущее до сих пор не настало, по версии таджикских властей — не что иное, как результат коварных происков узбеков и русских.

На самом деле с таджикской гидроэнергетикой все обстоит не так просто. Начнем с того, что мощные ГЭС предполагается возвести на реках, которые с правовой точки зрения являются трансграничными¹⁸, то есть протекающими через территорию не одного, а нескольких государств. А это весьма существенное обстоятельство. Если бы исток и устье реки Амударьи целиком и полностью находились в пределах государственных границ Таджикистана, тогда юридически никто не имел бы права возражать против планов строительства на таких реках любых сооружений, поскольку это было бы внутренним делом Таджикистана, его суверенным правом. Но в том-то и дело, что налицо принципиально иная ситуация. Образно ее можно представить в виде многоквартирного дома с большим числом жителей-квартирантов. Каждый из них имеет право в своей собственной квартире клеить обои любого цвета и фактуры, на свой собственный вкус. Но вот произвольно увеличивать батареи центрального отопления квартирантам запрещено, поскольку они являются частью общей системы отопления дома. Если один из жильцов увеличит теплоот-

¹⁷ См. **М. М. Хасанов**. Влияние мирового финансового кризиса на экономику Таджикистана. С. 34.

¹⁸ В мире насчитывается более 260 трансграничных речных бассейнов, занимающих 45,3 процента суши (без Антарктиды). Из них 71 — в Европе, 53 — в Азии, 39 — в Северной и Центральной Америке, 38 — в Южной Америке и 60 — в Африке. 155 речных бассейнов разделены между двумя странами, а более 100 — между тремя и более странами. При этом 50 стран имеют свыше 75 процентов своей территории в пределах трансграничных речных бассейнов (см. **И. Е. Нестерова**. «Водная карта» в глобальном мире. — «Вестник Санкт-Петербургского университета». Сер. 6. 2011. Вып. 3. С. 54).

дачу в своей квартире, это будет означать, что уменьшится тепло в квартирах соседей.

Так и с трансграничными реками. Мировое сообщество давно выработало цивилизованные подходы к разрешению возможных конфликтов, связанных с эксплуатацией трансграничных рек. Такие документы были приняты еще в начале прошлого века. Так, существуют две конвенции, принятые Лигой Наций: «О режиме судоходных водных путей международного значения», принятая 20 апреля 1921 года в Барселоне, и «О развитии гидроэнергетики в одном и более государствах», принятая 9 декабря 1923 года в Женеве. Более современными и актуальными являются документы ООН: «Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер», подписанная 17 марта 1992 года в Хельсинки¹⁹, и «Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков», принятая 21 мая 1997 года в Нью-Йорке²⁰. Все эти документы исходят из того, что освоение ресурсов трансграничных рек должно проводиться с уче-

том взаимных интересов государств, через территорию которых эти реки текут²¹. Ровно об этом и говорил президент России во время своего визита в Ташкент. Поэтому раздражение Душанбе этими высказываниями на самом деле адресовано, по сути дела, всему мировому сообществу.

Мировое сообщество давно выработало цивилизованные подходы к разрешению возможных конфликтов, связанных с эксплуатацией трансграничных рек. Все существующие документы исходят из того, что освоение ресурсов трансграничных рек должно проводиться с учетом взаимных интересов государств, через территорию которых эти реки текут. Поэтому раздражение Душанбе на самом деле адресовано, по сути дела, всему мировому сообществу.

Нельзя в связи с этим не отметить один характерный факт: в Центральной Азии вышеозначенные конвенции признал только Казахстан, а ос-

¹⁹ См. «Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер» (Хельсинки, 17.03.1992). — www.ecolife.ru/info/docum/water-14me.doc

²⁰ См. «Конвенция “О праве несудоходных видов использования международных водотоков”» (Нью-Йорк, 21.05.1997). — www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1076

²¹ См. об этом: **Ж. М. Аманжолов**. Многосторонние договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии. — «Московский журнал международного права». 2007. № 4; **Б. А. Искандарханова**. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии. — «Московский журнал международного права». 2007. № 3; **М. А. Косарева**. К вопросу о понятии трансграничных природных ресурсов в международном праве. — «Вестник МГУ». Сер. 11: Право. 2007. № 4; **Она же**. Международно-правовой статус трансграничных природных ресурсов. — «Вестник МГУ». Сер. 11: Право. 2007. № 6.

тальные государства продолжают сепаратную политику. В своем внутреннем законодательстве они игнорируют международно-правовые нормы, не используют даже термин «трансграничные реки». В Киргизии 23 июля 2001 года вообще приняли закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики»²², который предусматривал взимание платы с соседей за использование воды трансграничных рек. Этот акт привел лишь к усилению конфронтации в регионе.

Кстати, как специалист по международному праву не могу не отметить, что Таджикистан не склонен выполнять даже им самим взятые на себя обязательства. Например, в подписанном в 1992 году Соглашении между государствами Центральной Азии (включая Таджикистан) «О сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников», говорилось: «Признавая общность и единство водных ресурсов региона, Стороны обладают одинаковыми правами на использование и ответственность за обеспечение их рационального использования и охрану»²³. Более того, в научных трудах таджикских ученых можно встретить расхожий тезис: раз «более 80 процентов водных ресурсов бассейна формируется на территории двух горных стран (имеются в виду Таджикистан и Киргизия. — А. К.)», то именно эти страны «вправе распоряжаться ими по своему усмотрению, в том числе продавать их другим странам»²⁴.

²² См. <http://expertportal.net/Land/Regulations/KG-23.07.2001-76>

²³ Цит. по: **Г. Петров**. Проблемы трансграничных рек выходят из берегов. — «Мировая энергетика». 2008. № 4. С. 57.

²⁴ **Х. Одинаев**. Эколого-экономические аспекты регулирования использования трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии. С. 194.

Две крупнейшие реки Центральной Азии — Амударья и Сырдарья — это общее достояние региона. Поэтому грамотная эксплуатация ресурсов этих рек должна быть общей заботой. Но в том же Таджикистане власти занимают несколько иную позицию. Там считают, что лежащий ниже по течению Амударьи Узбекистан обязан либо платить за воду, либо согласиться с тем, что Таджикистан пытается построить новые мощные ГЭС на трансграничных реках. Эти ГЭС предполагают строительство высоких плотин и обширных водохранилищ. Понятно, что это влечет за собой ограничение естественного стока воды. Крайне важно, что характер водопользования трансграничными реками в так называемом энергетическом режиме не совпадает с режимом ирригационным. Эксплуатация в энергетическом режиме, в чем заинтересован Таджикистан, предполагает выработку электроэнергии тогда, когда она больше всего нужна, то есть зимой, для обеспечения возросшей потребности обогревать помещения. А для этого в водохранилищах летом необходимо накапливать воду, ограничивая ее сток. Иначе зимой нужной мощности на ГЭС достичь не удастся. Но Узбекистан нуждается в противоположной практике. Зимой сброс воды только мешает, вызывая подтопления территорий. Зато весной и летом воды не хватает для полива растений.

Это серьезная проблема, от решения которой зависит безопасность Узбекистана. Регион Центральной Азии и так сталкивается в последние годы с явной нехваткой воды из-за потепления климата. В октябре 2008 года президент Узбекистана Ислам Каримов был вынужден даже издать специальный указ, которым предписывалось сократить площади под посевы хлопчатника сразу на 75 тысяч гектаров с начала 2009 года. Это вы-

звало падение сборов хлопка-сырца в Узбекистане примерно на 200 тысяч тонн. Кстати, эта величина составляет примерно половину того, что собирает весь Таджикистан. Но Ташкент вынужден мириться с такими потерями, хотя это тяжело: ведь хлопок — хорошая статья экспорта. Узбекистан, по утверждению местных экспертов, занимает шестое место в мире по производству и третье место по экспорту хлопка-волокна²⁵. Дело в том, что в 2008 году Узбекистан был обеспечен поливной водой лишь на 75 процентов от обычной нормы. И узбекам пришлось выбирать, что выращивать: хлопок или продовольственные культуры. Площади были отданы под посевы продовольствия: 50 тысяч гектаров пошли под зерновые. Это позволило, по оценкам экспертов, экономить воду. Ведь для выращивания 1 тонны зерна требуется в среднем 3,2 тысячи кубометров воды, для выращивания 1 тонны хлопка — 12 тысяч кубометров.

С точки зрения Таджикистана узбеки, мол, сами виноваты в этом. Их обвиняют в неэффективном использовании воды в сельском хозяйстве. Действительно, такое происходит. Однако упреки в адрес Узбекистана несостоятельны, поскольку в Таджикистане с использованием воды в сельском хозяйстве дела обстоят еще хуже. Например, на орошение одного гектара в год, по данным Института водных проблем РАН, в Таджикистане тратят 159 тысяч кубометров воды. Это самый высокий показатель в Центральной Азии. В Узбекистане он составляет 125 тысяч кубометров, Туркменистане — 134 тысячи, Киргизии — 11,2 тысячи, в Южном Казахстане — 124 тысячи (для сравнения:

в Израиле — 55,9 тысячи кубометров). Другие эксперты порой приводят иные показатели; но все равно — расход воды в Таджикистане на орошение превышает показатели Узбекистана²⁶.

Кстати, как это ни странно, но и с засоленностью почв в регионе не все благополучно обстоит не только в Узбекистане. По данным ученых, только с 1990-го по 1999 год площадь засоленных земель в бассейне Амударьи увеличилась на 57 процентов, а в бассейне Сырдарьи — на 79 процентов. В Таджикистане засолены более 30 процентов орошаемых земель, в Киргизии — до 40 процентов. Кроме того, эрозии подвержены почти 51 процент сельскохозяйственных земель в Киргизии и около 97 (!) процентов в Таджикистане²⁷.

Сейчас таджикам навязывают идею, что Рогун будет достроен собственными силами. Придворные эксперты соблазняют население утверждениями, что рентабельность полученной «рогунской» электроэнергии составит 200 процентов²⁸. Чем эта идея лучше? Ведь средства все равно надо откуда-то взять. Значит, они будут так или иначе браться за счет доходов рядовых таджиков — путем тех же налогов. В период 2009—2011 годов правительство Таджикистана израсходовало на проект Рогунской ГЭС около 420 миллионов долларов, а в 2012 году — еще 223 миллиона²⁹.

²⁶ См. **Г. Петров**. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления. — «Центральная Азия и Кавказ». 2010. № 3. С. 65.

²⁷ См. «Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии». — «Иностранная печать». Серия: Экономика и НТП. 2007. № 5. С. 14.

²⁸ См. **Х. Одинаев**. Эколого-экономические аспекты регулирования использования трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии. С. 198.

²⁹ См. «Водные ресурсы — это не только Рогун». — «Asia-Plus». 06.03.2012.

²⁵ **М. Бабаджанов**. Хлопок — достояние республики. — «Экономический вестник Узбекистана». 2011. № 3. С. 61.

Но очевидно, что этих средств не хватит для завершения строительства. Ведь его стоимость с 2004 года существенно возросла. Это обстоятельство Душанбе просто скрывает от своих граждан. Например, в 2004 году возведение другой ГЭС, Сангтуда-1 (российский проект), оценивалось в 200 с небольшим миллионов долларов, а уже в 2009-м, когда проект фактически был завершен, эта цифра выросла в 3,5 раза!

Поэтому позиция Душанбе представляет собой откровенный популизм и утопию. На переговорах России предлагалось вложить в постройку Рогуна многие миллиарды долларов при совершенно размытых обязательствах со стороны Таджикистана. В чем заинтересован инвестор в таких проектах? Естественно, в получении прибыли. Так вот, в течение 2000-х годов практически ни одно гидроэнергетическое сооружение в Таджикистане прибыли не приносило: слишком низкие расценки установило государство на электроэнергию на внутреннем рынке, хотя Всемирный банк рекомендовал Таджикистану повысить тарифы до 3,5 цента за киловатт³⁰.

Только на первый взгляд эта политика выглядит социально оправданной — поскольку считается, что нищее население не может платить за электроэнергию. В реальности же такой подход оборачивается для республики тем, что сюда не идут инвестиции³¹: нет генерирующих мощностей — нет электроэнергии —

нет промышленного производства; следовательно, нет новых рабочих мест — нет доходов у рядовых таджиков. Политика властей создает порочный круг, когда под благородными популистскими лозунгами защиты национальных интересов фактически консервируется отсталость Таджикистана. Это политика временщиков, которые спекулируют на проблемах, ищут виноватых на стороне, не желая признавать собственные ошибки. Такая линия ведет в тупик — расплачиваться же за нее будет народ Таджикистана.

Зигзаги и тупики экологии

Наукой давно отмечено, что «водное» богатство Таджикистана стремительно тает как в переносном, так и в прямом смысле этого слова. Например, в изданиях Всемирного фонда дикой природы — организации, никак не замеченной в какой-либо предрасположенности к продвижению российских «имперских» интересов в Центральной Азии, отмечается, что горные ледники Таджикистана в 1949 году занимали площадь 18 тысяч квадратных километров. А уже в 2000 году снимки с космических спутников показали, что территория ледников сократилась до 11 863 квадратных километров³².

Для простого обывателя — жителя кишлака где-нибудь в Хатлонской области Таджикистана эти цифры, может быть, ничего и не говорят. Но власть в Душанбе просто обязана знать и учитывать в своей политике отмеченную учеными тенденцию. Ведь снижение запасов воды происходит одновременно с ростом населения

³⁰ См. «Тарифы на свет вырастут на 20 процентов». — «Asia-Plus». 14.03.2012.

³¹ Конфликт с Узбекистаном, например, привел к тому, что Китай отказался инвестировать в строительство Зеравшанской ГЭС (см. **У. Алимов**. Проблемы экономического сотрудничества стран Центральной Азии. — «Экономика Таджикистана». 2009. № 3. С. 134).

³² См. «Россия и сопредельные страны: экологические, экономические и социальные последствия изменения климата». WWR (Всемирный фонд дикой природы). 2008. С. 51.

республики. Да и повышение среднегодовых температур (в долинах Таджикистана средняя годовая температура поднялась на 0,7—1,2 градуса Цельсия, а в городах — несколько больше) ведет к ухудшению жизни людей³³. Потому что требуется больше воды для населения, ирригации и для той же гидроэнергетики.

Не желая видеть и понимать беды лежащего вниз по течению Узбекистана — где в силу нехватки воды в Приаралье население вынуждено использовать загрязненную воду, вследствие чего детская смертность в этом регионе достигает показателя 80 детей на 1000 новорожденных (то есть в 5—7 раз выше, чем в России, Белоруссии и на Украине), — власть Таджикистана оказывается в плену опасных иллюзий. Нельзя представлять

картину так, что таджики сумеют избежать тех бед, которые испытывают узбеки. Климатические и экологические изменения не считаются с линиями государственных границ. Быстрое таяние ледников связано с тем, что осадки все чаще выпадают в виде ливней, а значит, это ведет к паводкам, селям и лавинам. Заверения президента Рахмона о том, что планы строительства крупных гидроэлектростанций с высокими плотинами не несут никакой угрозы соседям, не выглядят сколь-нибудь убедительно. Ведь по существующим математически рассчитанным прогнозам, при пессимистическом варианте развития событий в связи с потеплением климата сток Амударьи сократится на 20—30 процентов, а сток Сырдарьи — на 15—20 процентов. Граждане Таджикистана пострадают так же, как пострадали уже животные: в регионе Арала раньше обитало 178 видов животных, теперь это количество сократилось до 38. Когда не будет хватать воды для питья, мигрировать придется не только сайгакам и тушканчикам.

Для Таджикистана до сих пор характерны высокие темпы прироста населения. Так, если на момент обретения независимости в 1991 году в республике насчитывалось 5,3 миллиона человек, то сегодня — уже 8 миллионов. А это обстоятельство делает ситуацию еще более рискованной. Дело в том, что, по расчетам ученых, только при оптимистическом сценарии развития можно будет обеспечить достаточное производство продуктов питания — такое, которое признано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в качестве рекомендованного уровня — 3 тысячи килокалорий на душу населения в сутки. Оптимистический сценарий предполагает следу-

³³ Схожая ситуация существует и в Киргизии. Директор Института сейсмологии Национальной академии наук Киргизии К. Абдрахматов утверждает: «Во всем мире за последние 30 лет среднегодовая температура повысилась на 0,6 градуса. В Киргизии же — на 1,6. Республика находится в аномальных климатических условиях. Со стороны Казахстана и Сибири — зона пониженного давления. С противоположной стороны — мощные индийские муссоны. На Тянь-Шане первая сталкивается со вторыми. Поэтому глобальное потепление у нас проявляется особенно ярко. Мы — климатическая граница. Именно из-за этого в республике резко континентальный климат, отличающийся значительными перепадами температур». Тот же ученый говорит о сокращении ледников: «Абсолютно точно доказано, что в Таласской впадине их площадь за последние 30 лет уменьшилась на 26 процентов... На южном берегу Иссык-Куля — на 11, а на северном — на 18 процентов. Очевидно, через несколько лет там будут проблемы с водой. На южном берегу Иссык-Куля в этом отношении пока все более-менее спокойно. Здесь ледников больше. Но ко мне уже обращались люди, живущие в селах на южном берегу озера. Они не могут понять, что происходит. Обычно в речках и арыках было полно воды, а теперь ее нет. И, судя по всему, ситуация будет только ухудшаться» («Сухое будущее. Из-за глобального потепления Киргизию ждет сокращение имеющихся гидроресурсов». — «Российская газета — Неделя. Киргизия». 05.04.2012).

ющие условия: низкий прирост населения в 1,1 процента, высокий темп экономического роста ВВП на уровне 6 процентов и постоянный сток рек³⁴. Таким образом, этот сценарий уже неосуществим: сток рек уменьшается, темпы роста ВВП в условиях кризиса падают, а рост населения остается высоким. В Таджикистане он составляет 2 процента.

Пока есть некоторые надежды на нейтральный сценарий, предполагающий средний прирост населения на уровне 1,3 процента, средний темп экономического роста — 4 процента ВВП и небольшое уменьшение стока воды рек. Но уже при нем рекомендуемый ВОЗ уровень недостижим даже к 2020 году. А при пессимистическом сценарии (высокий прирост населения, более 1,5 процента, при низких темпах экономического роста, менее 4 процентов ВВП, и существенном снижении годового стока рек) уже к 2010 году реальное производство продуктов питания достигло минимально возможного уровня. В недалеком будущем это может вызвать массовую миграцию из региона бассейна рек Амударья и Сырдарья.

Поэтому властям Таджикистана следовало бы прислушаться к тому, что говорят ученые, и прекратить бездарно тратить огромные средства на весьма сомнительные проекты. Ведь в случае какого-либо форс-мажора в семьях таджиков очень скоро могут истощиться те средства, которые были заработаны гастарбайтерами на чужбине. И тогда призрак голода отчетливо постучится не в одну таджикскую дверь.

Конечно, отчасти можно понять и мотивы, которыми руководствуются власти в Таджикистане. Никакой инвестор не придет в страну, где имеют место постоянные перебои в снабжении электроэнергией. Ведь без нее невозможно осуществлять большинство производств. Таджикистан же, занимая, по некоторым оценкам, 8-е место в мире по величине гидропотенциала, импортирует до 50 процентов электроэнергии³⁵. Тем не менее это не избавляет власти в Душанбе от необходимости проведения взвешенного курса. Тем более вызывает недоумение и тот факт, что власти, коль скоро их так заботит социальное благополучие население, могли бы больше внимания уделять не грандиозным проектам в энергетике, а проектам, которые, во-первых, не требуют гигантских затрат, во-вторых, способны помочь отдаленным населенным пунктам в снабжении электроэнергией. Например, строительству и надежной эксплуатации малых ГЭС, которые не требуют, помимо прочего, возведения дорогостоящих линий ЛЭП большой протяженности. Однако по состоянию на весну 2012 года, примерно треть малых ГЭС Таджикистана, или около 50 единиц общей мощностью 3,6 мегаватт не работало по разным причинам³⁶.

В условиях центральноазиатских обществ, которые не являются действительно демократичными, зачастую конфликты по поводу водопотребления быстро переходят в плоскость межэтнических противоречий. Куда проще обвинить во всех сво-

³⁴ См. об этом: **С. К. Аламанов, В. М. Лелевкин, О. А. Подрезов, А. О. Подрезов.** Изменение климата и водные проблемы в Центральной Азии. М.; Бишкек, 2006; **В. М. Касымова, А.Х. Карасаева, Е.М. Родина.** Об устойчивом природопользовании в бассейне Аральского моря. Бишкек, 2001.

³⁵ См. **Р. Жангазы.** О некоторых вопросах водно-энергетического комплекса Центральной Азии: национальная безопасность и интересы Республики Казахстан. — «Analytic». 2010. № 3. С. 57.

³⁶ См. «В Таджикистане по разным причинам не работает почти треть малых ГЭС». — Информационное агентство «Avesta.Tj». 09.04.2012.

их бедах соседа, если тот вдобавок является представителем другого этноса. Конфликт тем самым получает новый импульс для своего развития. Причем часто невозможно вовремя заблокировать подобное развитие конфликта именно из-за того, что отсутствуют подлинно демократические подходы к межэтническим отношениям уже во внутренней политике государств.

На протяжении последних нескольких лет конфликт между Таджикистаном и Узбекистаном лишь усиливается. С 2010 года Узбекистан явно намеренно стал задерживать на своей границе с Таджикистаном железнодорожные вагоны с грузами, предназначенными для Таджикистана, — причем не только со строительными материалами и оборудованием, которое может быть использовано в ходе строительства Рогунской ГЭС. Ташкент объяснял это техническими причинами, а в Душанбе говорили об откровенной блокаде. На саммите ШОС летом 2010 года в Ташкенте конфликтующие стороны достигли временного соглашения о возобновлении поставок по железной дороге (за исключением оборудования для ГЭС), но через некоторое время узбекская сторона вернулась к своей политике. Власти же Таджикистана вынуждены были подсчитывать убытки, которые, по их данным, к началу 2011 года превысили 100 миллионов долларов³⁷, а также искать более дорогие обходные пути доставки необходимых грузов, в том числе используя дорогостоящий авиатранспорт.

Наконец, в 2012 году Узбекистан приступил к демонтажу железной дороги Амузанг—Хатлон, ведущей в Хатлонскую область Таджикистана,

а также полностью прекратил поставки природного газа в Таджикистан, где в итоге была остановлена работа целого цементного завода. Таджикский же алюминиевый завод был вынужден снизить выработку на 80 процентов³⁸. Поскольку Ташкент нанес расчетливый удар по финансовым интересам президента Таджикистана, последний, по всей видимости, вынужден был пойти на уступки.

Другой причиной, заставившей Душанбе отступить, стала технология выплавки алюминия, подразумевающая безостановочное производство. «Если не подавать электроэнергию в течение 16 часов, произойдет остывание ванн. Для запуска одной новой ванны потребуется до 200 тысяч долларов. Для полного же восстановления производственного цикла потребуется более трех лет, и это будет стоить 500 миллионов долларов», — говорится в заявлении пресс-службы завода³⁹. С 16 апреля 2012 года поставки узбекского газа в Таджикистан были возобновлены⁴⁰.

В любом случае власти Душанбе попали в своеобразную ловушку: слишком многое они поставили на карту во имя идеи во что бы то ни стало построить Рогунскую ГЭС. Средств для этого так и не найдено (по подсчетам экспертов, в некоторых случаях требуемый на реализацию водно-энергетических проектов объем средств превышает ВВП страны в 25 раз⁴¹),

³⁸ См. **В. Панфилова**. Газовый ультиматум Ташкента. — «Независимая газета», 09.04.2012.

³⁹ Цит по: **Г. Мирзаян**. Как поссорились Эмомали Шарипович с Исламом Абдуганиевичем. — «Эксперт». 16.04.2012.

⁴⁰ См. «Узбекистан возобновил поставки газа в Таджикистан». — www.centrasia.ru/newsA.php?st=1334558880

⁴¹ См. **Р. Жангазы**. О некоторых вопросах водно-энергетического комплекса Центральной Азии: национальная безопасность и интересы Республики Казахстан. С. 57.

³⁷ См. **Е. Борисова**. Таджикистан — Узбекистан: борьба за водные ресурсы. — «История и современность». М., 2011. С. 93.

а отказ от проекта означает серьезное поражение режима президента Рахмона, на которое он не может пойти без риска для себя.

Как видим, эскалация конфликта идет по нарастающей. Военные конфликты из-за воды уже имели место в Африке и на Ближнем Востоке⁴². По

всей видимости, нельзя исключать, что они могут произойти и в Центральной Азии. По крайней мере, вряд ли случайно региональные СМИ педалируют вопрос о том, что военный бюджет Узбекистана в 20 раз превышает военный бюджет Таджикистана и в 45 раз — Киргизии⁴³. ◆

⁴² См. об этом: **Чол Денг Алак**. Вода — основа благосостояния и процветания народов. — «Азия и Африка сегодня». 2007. № 6. С. 26—27; **В. А. Василенко**. Переброска рек отменена — что взамен? — «Эко». 2011. № 2; **Н. Петров**. Грядут ли «водные войны»? — «Азия и Африка сегодня». 2008. № 12; **В. Данилов-Данильян**. Неизбежны ли водные войны? — «Мировая энергетика». 2007. № 3; **Он же**. Глобальный дефицит пресной воды. — «Международная жизнь». 2008. № 8—9; **П. Роджерс**. Перед лицом нехватки пресной воды. — «В мире науки». 2008. № 11.

⁴³ См. «Военный бюджет Узбекистана в 20 раз превышает военный бюджет РТ». — «Asia-Plus». 12.03.2012.